

Е. Э. Липшиц

ПРОБЛЕМА ПАДЕНИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ И ВОПРОС О НАЧАЛЕ ФЕОДАЛИЗМА В ВИЗАНТИИ*

В статье Е. М. Штаерман, посвященной рассмотрению проблемы падения рабовладельческого строя в Римской империи, поднят ряд важнейших вопросов, имеющих непосредственное значение не только для изучения истории античного мира и возникновения феодализма в Западной Европе, но и для истории Византии.

Столь сложная проблема, конечно, сможет быть разрешена в полной мере лишь после проведения углубленного монографического изучения состояния производительных сил и производственных отношений в Римской империи в III—V вв. В этой области сделано пока недостаточно. Вопрос же о состоянии и развитии производительных сил в византийском сельском хозяйстве вообще только начинает разрабатываться. А в применении к интересующей нас в данной связи эпохе он и совсем не ставился.

Изучение экономики сельского хозяйства при анализе процесса генезиса феодализма тем важнее, что, в отличие от городской по преимуществу в своей основе экономики античного рабовладельческого общества, средневековые исходило из деревни¹. Это положение остается в силе и для Византии, несмотря на то, что здесь город играл в период раннего средневековья значительно большую роль, чем на Западе².

Вопрос о времени падения рабовладельческой формации и становления феодализма в Византии принадлежит к числу, может быть, наиболее дискуссионных в советском византиноведении. Одни исследователи относят этот рубеж к концу III— началу IV в., другие — к началу VII в., третьи — к еще более позднему времени.

Нет сомнения в том, что в Византии, в отличие от Запада, процесс смены формаций, процесс перехода от рабовладельческого строя к феодальному, имел ряд своеобразных черт. Византия не была завоевана «варварами», несмотря на то, что и здесь значительная часть территории явилась местом поселений славянских и других племен, находившихся на высшей стадии «варварства». Государственная машина в Византии не была сломлена, а была лишь перестроена в III—IV вв. и в таком виде, без дальнейших коренных изменений впоследствии просуществовала вплоть до самого конца жизни византийского государства. В период общего краха античной Римской империи в III в. в восточных провинциях, явившихся центром новой Византийской империи, не были столь полно, как на Западе,

* В дискуссионном порядке.

¹ «Если античность исходила из города и его небольшой округи, то средневековые исходило из деревни.» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 14; ср. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1952, стр. 171).

² Ср. Kenneth M. Setton, On the importance of land tenure and agrarian taxation in the Byzantine Empire from the fourth century to the fourth crusade, «American journal of philology», LXXIV, 3, стр. 229 сл.

разрушены города. Известно ведь, что именно в восточной части Римской империи сохранились уцелевшие остатки торговли¹. Наконец, в восточных провинциях в большей степени, чем на Западе, уже до IV столетия, еще в недрах античного рабовладельческого общества, сказывались элементы возникающих феодальных форм эксплуатации, феодальных форм производственных отношений.

Несмотря на наличие ряда черт своеобразия, и здесь, как и на Западе, борьба эксплуатируемых масс против рабовладельческой системы и варваризация привели к формированию более прогрессивной феодальной формации, вследствие чего и оказалось возможным дальнейшее развитие производительных сил, обеспечившее Византии одно из ведущих мест в экономике раннесредневековой Европы.

Менее резко выраженный характер перехода от рабовладельческой формации к феодальной в Византии явился следствием сложного переплетения конкретного хода исторических событий и, в первую очередь, менее успешно протекавших революционных движений, сочетавшихся с варварскими завоеваниями. Вероятно поэтому здесь в большей степени, чем на Западе, сохранилось отмирающее рабство и сказывались вообще в большей мере традиционные формы и пережитки античной рабовладельческой цивилизации.

Как уже было отмечено выше, вопрос о времени, когда совершился переход от античности к феодализму в Византии, вызывает большие разногласия. Причиной этих разногласий является, вероятно, в известной степени то, что переход этот носил менее ярко выраженный, в силу отмеченных особенностей его, характер. Сущность вопроса сводится к тому, чтобы определить время, когда складываются основы феодальной собственности на землю, являющейся основой всего феодального строя, когда ведущими становятся феодальные производственные отношения. В центре внимания стоит, следовательно, проблема положения непосредственных производителей.

В предшествующих статьях было совершенно основательно указано на то, что при определении рубежа, когда рождается новое «качество», когда складывается феодальная экономика, нельзя исходить из одного только факта сохранения рабства. Это в особенности относится к Византии и Востоку, где рабство длительно продолжало существовать и под покровом победившего феодализма. Известно ведь, что в Византии рабство (в форме домашнего по преимуществу) сохранялось вплоть до XIV—XV столетий. Однако вряд ли кому-нибудь может прийти в голову в настоящее время утверждать, что в Византии на всем протяжении ее истории господствовал рабовладельческий строй. Необходимо для решения этого вопроса не ограничиваться констатированием факта наличия рабства, а изучать совокупность всех экономических отношений в целом и на основе этого изучения выяснить, какие отношения следует признать ведущими.

Е. М. Штаерман привела ряд серьезных и убедительных аргументов в пользу того положения, что уже с IV столетия нельзя говорить о классах рабов и рабовладельцев как об основных и определяющих. В названной статье автор показывает, что с этого времени мы имеем дело уже с развитием, происходящим в рамках складывающейся феодальной формации. Эта точка зрения, совпадающая со взглядом, высказанным Энгельсом в его работе «Диалектика природы»², нам представляется заслуживающей самого серьезного внимания.

¹ Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 153—154.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч. т. XIV, стр. 440—441.

Как известно, Энгельс относил «конец древности» ко времени «около 300 года» и связывал начало средневековья с возвышением Константинополя — столицы новообразованной империи. «С возвышением Константинополя и падением Рима заканчивается древность». Константинополь для Энгельса был одним из наиболее ярких символов средневековья, теократии, противопоставляемой им античному миру, античной цивилизации¹.

В пользу точки зрения, относящей рубеж между античным, рабовладельческим обществом и средневековым, феодальным ко времени около 300 г., ко времени основания Константинополя, говорит прежде всего тот факт, что в IV столетии рабство уже не играет ведущей роли в производстве ни в городе, ни в деревне. Преобладающей формой эксплуатации становится колонат². Как показывают законодательные памятники, в центре внимания правящего класса в IV—VI вв. стояли отнюдь не вопросы создания условий для дальнейшего развития рабства и рабовладения. Напротив, юридическое творчество законодателей было направлено на проблемы, связанные с эксплуатацией свободного, закрепощаемого непосредственного производителя³. Лучшим доказательством этого положения является законодательство о колонате, о борьбе с патронизмом и о церковном землевладении, которое мы находим в кодексах Феодосия и Юстиниана, в новеллах Юстиниана.

Правящий класс отнюдь не поощрял появления новых рабов, но всячески стремился покровительствовать созданию класса закрепощенных колонов. Может быть, наиболее ярким примером в этом отношении является закон Гонория и Феодосия от 12 апреля 409 г., изданный в ознаменование победы над «скирами». В этом законе указывается, что земельные собственники могут воспользоваться плодами этой победы и, если желают обеспечить свои поля рабочей силой, могут использовать пленных «варваров». «Однако, — говорится там, — все должны знать, что они могут держать этих людей только на положении колонов (*non alio iure quam colonatus*). «Собственники земель могут использовать труд этих пленных на своих полях, однако никто из них не имеет права изымать их из податных списков и переводить на положение рабов (*opera autem eorum terrarum domini libera [utantur] ac nullus sub acta peraequatione vel censui... acent nullique liceat velut donatos eos a iure census in servitutem trahere*)» (CTh, V, 6, 3).

Запреты превращать колонов в рабов встречаются в других статьях кодекса Феодосия (CTh, V, 9, 1; Nov. Valentin., XXX, 5); в них четко выяв-

¹ Точка зрения М. Я. Слюзимова (ВДИ, 1955, № 1, стр. 53), что Константинополь был создан как «мощный центр рабовладельческой собственности», представляется ошибочный и не соответствует фактам.

² См. Ю. Кулаковский, История Византии, т. I, Киев, 1913; М. В. Левченко, Материалы для внутренней истории Восточно-римской империи V—VI вв., «Византийский сборник», М.—Л., 1945, стр. 22 слл.

³ В кодексе Юстиниана законодатели уделяют внимание колонату во всех двенадцати книгах (см. CJ, I, 2, 14, 3, 36; 12, 69; II, 7, 22, 1 и 3; 24, 1 и 3; III, 5; 26, 7—8 и 11; 38, 11; IV, 10, 3 и 11; 21, 19; 26, 13, 1; 65, 5, 9, 27 и 35; V, 34, 13; 62, 8; VI, 4, 2; 30, 1; VII, 32, 2, 5 и 12; 38, 1 и 2; VIII, 5, 1; 15, 8; 51, 3; IX, 24, 1, 5; 27, 5; 49, 7, 1; X, 71, 31; XI, passim; XII, 10, 2; 19, 12). См. также новеллы Юстиниана — 7, 152, 156, 157 и др., Тиберия 13, а также многочисленные постановления, сохранившиеся в Кодексе Феодосия (II, 30, 1; 31, 1; IV, 12, 3; 22, 1; 23, 1; V, 3, 1; 6, 3; 12, 3; 16, 31; 17, 1; 18; 19, 1; 1, 3; 7, 4—5; 13, 6—7; 18, 8; VIII, 1, 3; 2, 5; IX, 2, 6—7; 21, 2; 42, 7; X, 1, 11; 4, 3; 12, 2; 20, 10 и 17; XI, 1, 7, 14 и 26; 7, 2 и 11; 16, 5; 17, 1; 24, 1 и 6; XII, 1, 33 и 50; 19, 2; XIII, 1, 3 и 8; XIV, 18, 1; 5, 52 и 54; Nov. Val., 6, 1; 13, 1; 23, 1; 27, 1; 31, 1; Nov. Maj., 7, 1; Nov. Sev., 2, 1; Nov. Theod., 7, 4). Ср. также две надписи V—VI веков, найденные на островах Архипелага, прокомментированные Ф. И. Успенским (ЖМНП, 1884, I, стр. 1—39).

ляется точка зрения законодателей на соотношение соответствующих двух форм эксплуатации в изучаемую эпоху. Линия господствующего класса и его правящей верхушки в этом отношении вряд ли могла бы быть выражена с большей четкостью и определенностью — они всемерно поощряют применение новых форм эксплуатации.

Колон, первоначально свободный арендатор, работающий на чужой земле на основе договорных отношений, фактически уже очень рано превращается в зависимого от крупного землевладельца человека. Эта зависимость проистекала из того, что основное условие производства — земля находилась в собственности крупных землевладельцев. «Земледелец, вкладывающий свой труд в обработку чужой земли, не мог оставаться равноправным с землевладельцем»¹. Нередко колон нуждался не только в земле, но и в инвентаре. Но, помимо того, и урожай считался в закладе у хозяина. Фактически колон отвечал всем своим имуществом «не только за взнос аренды, но и за инвентарь, за налоги и за другие обязательства, вытекавшие из договоров и местных обычаев»². Уже на ранних ступенях развития колоната колон фактически являлся человеком, находящимся в полной зависимости от землевладельца. За предоставленный колоны участок земли хозяин взыскивал с него ренту в форме оброка и барщины.

Для этого периода мы располагаем в настоящее время, после открытий, сделанных в последнем десятилетии XIX и в начале XX столетия, целым рядом свидетельств о повинностях и оброках колонов, определяющих даже и размеры барщинных повинностей. В Римской Африке на императорских доменах и в частных имениях повинности различных категорий колонов заключались не только в уплате *dominus*'у или *conductor*'у части полученных с земли плодов: колоны несли, помимо того, нормированные службы в размере от четырех до двенадцати дней в год. Барщина осуществлялась при пахоте, посеве и уборке урожая. Так, в жалобе колонов, живших на территории *saltus Burunitanus*, адресованной императору Коммоду, прямо указывается: «Как предусмотрено статьей закона Адриана, пусть отнято будет даже у прокураторов, не говоря уже о кондукторах, право увеличивать доли отчисления с земли, трудовую и гужевую повинность. Пусть мы, как это сказано в письмах прокураторов, находящихся в твоем архиве Карфагенской области, должны будем ежегодно обязаны не более двух дней при пахоте, двух при посеве и двух при уборке (*non amplius annuas quam binas aratorias, binas sartorias, binas mesorias...*)». С подобными же фактами мы встречаемся и в других документах, относящихся к Римской Африке³.

Именно барщинные повинности, а не *partes agrariae* вели к сильнейшим притеснениям колонов. Их притеснению способствовало учение об *idic*, которое прочно утвердилось в Африке⁴.

Данные о подобных же повинностях и оброках имеются и для других районов, вошедших впоследствии (с IV столетия) в состав Византийской империи (на землях типа *oûsîa* в Египте, в Малой Азии, во Фрак⁵).

¹ А. Б. Р а н о в и ч, Колонат в римском законодательстве II—V вв., ВДИ, 1951, № 1, стр. 96.

² Там же, Ср. CJ, IV, 65, 29; Dig., XIX, 2, 19 (Ульпиан); CJ, IV, 65, 5 и др.

³ См. Н. G u m m e r u s, Die Fronden der Kolonen, «Oefversigt at Finska Vetenskaps-Societetens Förhandlingar», 1906—1907, № 3, стр. 1—72.

⁴ М. R o s t o w z e w, Kolonat, «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», I, 1909; он же, Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, 1910, стр. 128, 302, 303, 310 и др.; он же, Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich, т. II, 1931, стр. 109 сл. и 331.

⁵ См. М. I. R o s t o w z e w, Studien..., passim; он же, Gesellschaft und Wirtschaft..., passim.

Принимая во внимание эти материалы, никак нельзя согласиться с мнением М. Я. Сюзюмова (и А. Б. Рановича), что начальная стадия феодальной эксплуатации — отработочная рента — исторически сложилась не в Римской империи, а уже после ее краха. Названные исследователи ссылаются при этом на слова Энгельса о том, что «барщинные повинности...имели своим прообразом римские ангарии»¹. Они не учитывают, что работа Энгельса была написана (первое издание — 1884 г.) до того, как важнейшие материалы об орагае колонов в Римской империи были приведены в известность и пущены в научный оборот². Теперь мы имеем все данные считать, что еще в период до IV столетия в восточных провинциях нарождалась феодальная зависимость и феодальная рента в форме орагае и ангарий. В IV—VI вв. эти формы эксплуатации развиваются далее уже в государственном масштабе. Данные о них мы находим не только в законодательных памятниках, но и в современных риторических сочинениях Либания, Иоанна Златоуста и др.³

Колоны вербовались в значительной мере из числа свободных крестьян, отдававшихся под покровительство крупным и могущественным собственникам, чтобы избежать насилий и вымогательств со стороны государственных чиновников. Именно в этом смысле следует понимать слова Сальвиана о превращении крестьян в *dediticii*, а не в смысле превращения колонов в рабов, как это пытается доказать М. Я. Сюзюмов (ук. соч., стр. 61).

Совершенно несомненно, что, отдаваясь под покровительство могущественных земельных собственников, свободные крестьяне попадали в положение зависимости. Однако у нас нет оснований считать эту зависимость рабством, исходя из одной только риторической формулировки Сальвиана «*vertuntur in servos*». Данные законодательства (CJ, XI, 54 и CTh, XI, 24) и папириологические материалы⁴ с полной ясностью показывают, что эта зависимость была совершенно иного — феодального — характера. Крестьяне, передавая патрону землю, продолжали на ней сидеть и выплачивали патрону ренту, преимущественно в натуральной форме⁵.

Источником пополнения рядов колонов уже со II столетия н. э. были и варварские поселения.

Не следует рисовать себе положение колонов розовыми красками. Конечно, положение этих юридически свободных людей было фактически весьма далеким от подлинной свободы. Не говоря уже о прикреплении к земле, они и фактически находились в полной зависимости от земельного собственника. Но при всем том нельзя недооценивать и того, что с точки зрения объективного развития исторического процесса, это был громадный шаг вперед. «Рабовладельцы считали рабов своей собственностью, закон укреплял этот взгляд и рассматривал рабов как вещь, целиком находящуюся в обладании рабовладельца. По отношению к

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1952, стр. 160.

² Об этих открытиях см. Н. Г у м т е г у с, ук. соч., *passim*.

³ См. М. В. Левченко, ук. соч., стр. 88 и 62. Ср. также CTh, V, 13,4; CJ, XI, 66,2; 53; VIII, 48,7 и др.

⁴ *Hernals*, 16,1 (486 г.), P. Lond., 113,3 и 4 (VI в.), BGU, 308 (византийского времени).

⁵ См. детальный анализ законов о патронии в связи с речами Либания (Orr. 47, 51 и 52) и Сальвиана в названной работе М. В. Левченко, стр. 51; F. Z u l u e t a, *De patrociniis vicorum*: («Oxford Studies in social and legal history»), Oxf., 1909; K. Z a c h a r i a e v o n L i n g e n t h a l, *Geschichte des griechisch-römischen Rechts*, 1892, стр. 219; F. M a r t r o y e, *Les patronages d'agriculteurs et de vici au IVe et Ve siècles*. «Revue historique de droit français et étranger», 1928, IV-ième série, I—III, стр. 201—248; Г. Г. Д и л и г е н с к и й, К вопросу об аграрных патрониях в поздней Римской империи, ВДИ, 1955, № 1, стр. 138.

крепостному крестьянину осталось классовое угнетение, зависимость, но крепостник-помещик не считался владельцем крестьянина, как вещи, а имел лишь право на его труд и на принуждение его к отбыванию известной повинности»¹.

Нам представляется, что С. И. Ковалев (ВДИ, 1954, № 3, стр. 42) вполне прав, указывая на сближение положения колонов с положением рабов (ср. СTh, V, 9, 1; CJ, XI, 68, 3 и 4; XI, 48, 21). Однако из этого отнюдь не вытекает, что разница между ними вполне ступеньвалась². В массе колоны считались свободными, правоспособными людьми. Присоединение к состоянию, к месту работы в IV в. не считалось ни превращением в несвободное состояние, ни носило характер чего-то бесчестящего.

Однако если до IV столетия формы зависимости колонов еще подходили в какой-то степени под юридические категории римского обязательственного права и элементы складывавшейся феодальной зависимости, феодальной ренты носили не юридический, а фактический характер, то теперь положение меняется. Колон и юридически превращается в крепостного, которого закон разрешает продавать вместе с землей (CJ, XI, 48/47, 2 и 13). К тому же следует напомнить, что встречавшиеся уже и раньше *эмфитевсис*, *ius privatum salvo canone*, *dempto canone*, *ius perpetuum* пускаются сейчас в ход массами и становятся формами развития крупного землевладения³ — императорского, сенаторского, церковного, монастырского. Земли, захваченные крупными собственниками, обрабатываются сидящими на них колонами, положение которых специально регламентируется законами (таких законов насчитывается более 40).

Наряду с колонатом в значительно меньших размерах сохранились и старые формы эксплуатации непосредственного производителя — рабство. Одной из форм перехода к новым производственным отношениям был перевод раба на пекулий.

М. Я. Сюзюмов выдвигает в качестве одного из главных возражений против точки зрения Е. М. Штаерман по вопросу о времени перехода от рабовладельческой формации к феодальной то, что перевод раба на пекулий не является симптоматичным явлением. М. Я. Сюзюмов указывает, что пекулий отнюдь не связан с Позднеримской империей. Наличие рабов на пекулии является, по его мнению, лишь техническим разделением труда в рабовладельческих хозяйствах. «Отношения собственности раба на пекулии ничем не отличались от отношений собственности раба, работавшего в кандалах. Ни тот, ни другой не имели прав собственности ни на орудия труда, ни на продукт труда» (ук. соч., стр. 55 сл.). При этом М. Я. Сюзюмов ссылается на источники права, кончая руководством Константина Арменопула, относящимся к XIV столетию.

Однако, если действительно в юридической теории взгляд на пекулий (как и на рабство вообще) сохранялся в традиционных формах вплоть до гибели Византии, лишь с некоторыми изменениями, вызванными к жизни необходимостью хотя бы отчасти привести в соответствие юридическую теорию с изменившейся жизненной практикой, то это еще не решает вопроса. Мы не можем игнорировать тот факт, что соотноше-

¹ В. И. Ленин, О государстве, Соч., т. 29, стр. 439.

² Захария фон Лингенталь отмечал в своей истории византийского права, что даже между адскрипциями, этими *servi terrae*, и рабами на пекулии (*servi rustici*) первоначально существовали значительные правовые отличия, которые со временем более или менее сгладились на практике (K. Zachariae von Lingenthal, Geschichte des griechisch-römischen Rechts, стр. 226).

³ F. Dölger, Byzanz und die europäische Staatenwelt. Die Frage des Grundeigentums in Byzanz, 1952, стр. 218.

ние рабов на пекулии и рабов «в кандалах» полностью изменилось в пользу первых, не говоря уже о количественном падении рабства вообще. Кстати говоря, и сам М. Я. Сюзюмов признает, что массовый перевод рабов на пекулий явился следствием невыгодности рабского труда.

Нельзя вырывать вопрос о пекулии из всей совокупности изучаемых явлений в определенный конкретно-исторический период. Отдельные факты наличия у рабов пекулия могли быть и прежде. Такая возможность предусматривалась и в глубокой древности, например в законах двенадцати таблиц¹. Однако лишь в период краха рабовладельческого способа производства это явление принимает массовый характер и потому закономерно может рассматриваться как одна из компромиссных форм перехода к феодальным формам эксплуатации.

К тому же нельзя не отметить и того, что изменения, внесенные в теорию римского права по вопросу о положении рабов, по существу, показывают полную неприменимость к жизни стройной и цельной когда-то теории римского права, лишавшей раба, «как вещь», всякой юридической правоспособности. По разъяснению Ульпиана (Dig., XLIV, 7, §14: *servi ex delictis quidem obligantur, sed naturaliter et obligantur et obligant*) имущественные обязательства рабов сохраняются ими после манумиссии. Следовательно, уже в III в. деликт, совершенный рабом, порождал право иска не против хозяина его, а против самого раба в случае отпуска его на волю. Ульпиан говорит, что, несмотря на то, что договор, заключенный рабом, порождает лишь натуральное (*naturaliter*) обязательство, он не считается недействительным. Таким образом, раб в III в. не считался абсолютно неправоспособным². Тот же Ульпиан указывает, что раб, работающий в поле на положении колона, не входит в инвентарь имения (Dig., XXXIII, 7, 12, § 3). Как известно, наряду с прочими изменениями, внесенными в законодательство по вопросу о положении рабов, были значительно упрощены и способы отпуска рабов на волю. Если в начале империи освобождение рабов было поставлено под известный контроль и затруднено (согласно законам *lex Aelia Sentia* и *lex Fufia Caninia*), то с IV века положение изменилось. С IV столетия появляется новый способ освобождения рабов церкви³. Позднее Юстиниан отменил полностью *lex Fufia Caninia*, а *lex Aelia Sentia* — в значительной части⁴. По законодательству VI века раб освобождался по закону (без специального акта со стороны господа) вследствие достижения епископского сана или вследствие двадцатилетнего проживания в качестве свободного. Согласно новеллам Юстиниана 535 и 546 гг., если раб вступал в монастырь (а это было разрешено уже с 484 г. — CJ, 3, 37), то через три года господин утрачивал на него свои права⁵.

Рабство не было юридически отменено. И, конечно, между положением рабов и зависимых свободных различие сохранялось. Как показывает законодательство, перевод на положение раба являлся одной из форм наказания виновных (ср. CTh, VI, 5, 6, 3). К тому же в восточных провинциях вопрос об имущественных правах раба обстоял гораздо сложнее, чем это рисуется по нормам строгого римского права. В Египте, например,

¹ См. А. Ehrhardt, *Rechtsvergleichende Studien zum antiken Sklavenrecht* «Zeitschrift der Savigny Stiftung», Romanistische Abteilung, т. 68 (1951), стр. 85.

² См. Д. Д. Гримм, Лекции по догме римского права, 1910, стр. 29.

³ Inst., I, 6, 1; CTh, IV, 7; CJ, I, 13, 1—2.

⁴ Inst., I, 7; CJ, VII, 3; Dig., XL, 9; CJ, VII, 7 и слл.

⁵ В. Granič, *Das Klosterwesen in der Novellengesetzgebung Kaiser Leons des Weisen*, Byz. Z., XXXI (1931), № 1, стр. 63 сл.; E. Stein, *Histoire du Bas-Empire*, т. II, 1949, 411 сл.; M. Buckland, *The Roman law of slavery*, 1908, стр. 38, 552 и др.

наряду с римскими рабами на пекулии обычного типа еще во II—III вв., судя по данным папирологии, существовали греко-египетские рабы, которые владели собственным имуществом¹.

Таким образом, и данные о развитии складывающейся феодальной зависимости свободных (барщины и оброки колонов), и массовый перевод рабов на пекулий, а также наличие рабов, располагающих собственным имуществом, и факты освобождения рабов² свидетельствуют о зарождении элементов феодализма. С IV столетия эти новые формы начинают использоваться как ведущие.

Революционные движения III века, поселения на территории империи варваров, восстания угнетенных масс, переплетавшиеся с вторжениями варваров извне³, вызвали полный крах клонившейся уже и ранее к упадку античной рабовладельческой системы и довершили то, что было подготовлено предшествующим экономическим развитием и предшествующей борьбой эксплуатируемых классов против римского рабовладельческого государства.

Варварские племена сами переживали в рассматриваемое время процесс внутренней дифференциации, процесс формирования классового общества. Родовая, а затем и сельская территориальная община, получившая широкое распространение в условиях «варварского» завоевания и «варварской» колонизации в период, когда Рим уже пережил рабовладельческую формацию, явилась одним из источников формирования феодальных отношений⁴. Варваризация сильнее всего сказывалась в Византии в IV и последующих веках. По красочному описанию Синезия, лично наблюдавшего это в Константинополе, варвары занимали и начальственные места. Синезий сетует на то, что варвары сидят в сенате рядом с консулом и высшими сановниками империи⁵.

Византийские крупные землевладельцы и представители высшей бюрократии V—VI вв., пополнявшие новообразованное сенаторское сословие иллюстриев, состояли в значительной мере из новых людей, среди которых видное место занимали варвары. Изменился и состав правящих императоров. Целый ряд императоров — Аврелиан, Диоклетиан, Зинон, Юстин, Юстиниан — это выходцы из провинций, выдвинувшиеся из низших классов общества. Как ярко описывает один писатель IV столетия, «императоры имели скудное образование, но хорошую подготовку в школе крестьянского хозяйства и военной службы»⁶.

В III в. общее разорение, разрушение городов, продовольственный кризис достигают своего апогея. Недостаток хлеба, материалов, людей, расстройство торговли, натурализация хозяйства, опустошение полей приводят к бедственному положению всего населения.

Хозяйственный кризис III века, протекавший крайне мучительно для

¹ R. Taubenschlag, *The law of Greco-Roman Egypt in the light of the papyri*, т. I, N. Y., 1945, стр. 65.

² Так, например, Синезий указывает, что он освободил большую часть своих рабов (Migne, PG, т. LXVI, 1359; М. В. Левченко, *ук. соч.*, стр. 82).

³ См. А. Д. Дмитриев, Народные движения в восточно-римских провинциях в период дунайских войн (236—278 гг.), ВВ, VIII (1955); Д. Дмитриев, Революционные брожения в Тракия и Мезия през римско время, ИИ, III (1946), № 1, стр. 35—51.

⁴ О «варварских» поселениях на территории империи см. Н. Richter, *Das weströmische Reich besonders unter Kaiser Gratian, Valentinian II und Maximus*, B., 1862, стр. 181—268; E. Stein, *ук. соч.*, стр. 5, 337—387 и др.; K. Dietrich, *Byzantinische Quellen zur Länder und Völkerkunde*, т. II, 1912, *passim*; о славянах, славянских и славяно-византийских общинах см. «Сборник документов по социально-экономической истории Византии», М., 1951, раздел 2; L. Niderle, *Manuel de l'antiquité slave*, I, Paris, 1923, стр. 53 и сл.; F. Dvornik, *Les slaves, Byzance et Rome au IX-ième siècle*, P., 1926, стр. 1—34 и др.

⁵ Синезий, О царстве, пер. М. В. Левченко, ВВ, VI, стр. 351.

⁶ Т. Моммзен, История Рима, т. V, 1949, стр. 216.

народных масс, сменился с IV столетия некоторым подъемом, обеспечившим возможность нового развития производительных сил. Именно в это время создаются трактаты греческих агрономов по сельскому хозяйству, следы которых сохранились в Георгиках Виндания Анатолия и Геопо-никах X столетия. Трактаты эти, как показывают приведенные в Геопо-никах excerpts из них, рассчитаны были на применение труда γεωργοί.

Выход был найден. Однако значительная часть земель все еще оставалась необработанной. Тяжесть налогового гнета, непомерные аппетиты развивающегося с IV столетия крупного феодального, церковного, частного и императорского землевладения вызвали постоянные восстания народных масс. Восстания эти были направлены как против нового закрепощения, так и против реликтовых форм рабовладельческой эксплуатации. Для обработки полей нужны были массы крестьян, а их не было.

Начавшаяся уже с III столетия варваризация империи в V—VI вв. усиливается, и притом главным образом за счет появления на территории восточных провинций новых свободных крестьянских общин. Население Дакии, Мезии и Фракии в V—VI вв., как показал М. В. Левченко (ук. соч., стр. 36—37), состояло из свободных варварских и туземных поселений, которые в VI в. являлись одним из главных источников пополнения армии. Благодаря начавшейся в это время славянской колонизации большие территории оказались в руках многочисленного и жизнеспособного крестьянства, жившего в сельских общинах.

И если для периода IV—V вв., когда формировались элементы византийского феодального общества, основной и наиболее типичной формой эксплуатации был колонат, то для следующего периода, начинающегося с VI столетия, ведущей формой становится сельская община, известная в новеллах Юстиниана под терминами χωρία ἐλευθέρικα, κομητοῦραι, μητροχωρία¹.

Новеллы Юстиниана свидетельствуют о том, что в Малой Азии в VI в. продолжали существовать многочисленные сельские общины (χωρίων τε ἐστὶν αὐτῇ πλῆθος μεγάλων), мало затронутые (если не считать отдельных пунктов, расположенных на путях к Константинополю) «бла-гами» византийской цивилизации. В Галатии, Ликаонии, Писидии, Каппадокии местное крестьянство, по характеристике византийских законо-дателей, отличалось не только особенностями своего образа жизни (διότι τῆς καταστάσεως αὐτῶν ἰδιωτικῇ), но и своим «опасным» и «легко возбу-димым» нравом. Другими словами, оно сохранило большую долю своей независимости².

С ходом славянской колонизации число свободных общин в империи значительно возросло. Благодаря созданию широкой прослойки трудо-способного и жизнеспособного сельского населения, осваивавшего вновь запущенные и заброшенные давно уже из-за недостатка рабочих рук земли, византийское общество получило силы для дальнейшего раз-вития. Борьба славянских племен против закрепощения их империей и походы византийских императоров против славянских общин, населяв-ших европейские провинции, в особенности Македонию, именовавшуюся обычно «Склавинией», заполняют собой анналы византийской истории VI и последующих веков³.

¹ K. Zachariae von Lingenthal, ук. соч., стр. 218 слл.

² Ср. Nov. XXIV, XXV. Ср. также A. Jones, The cities of the eastern Roman provinces, L., 1937, стр. 123, 147 и др.

³ Е. Л и п ш и ц, Byzanz und die Slaven, Weimar, 1951.